

9(421)
X-29

Академия наук СССР
Дагестанский филиал

На правах рукописи

Х.-М. ХАШАЕВ

**ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ МЮРИДИЗМА
В ДАГЕСТАНЕ**

Махачкала 1956

9(СА)
X-294

Академия наук СССР
Дагестанский филиал

На правах рукописи

Х.-М. ХАШАЕВ

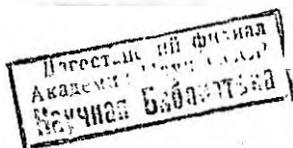
**ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ
МЮРИДИЗМА
В ДАГЕСТАНЕ**

Махачкала 1956

13653

72736

С 03571. Сдано в набор 29.IX. 1956 г. Подписано к печати
3. X. 1956 г. Формат — 84×108/32. Объем — 2,75 п. л. —
усл. объем — 4,51 п. л. Тираж — 300 экз.
Заказ № 1570. Бесплатно.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
г. Махачкала, Ленина, 14

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о движении мюридизма в Дагестане является очень сложным вопросом, к тому же имеющим свою богатую историю. В настоящем докладе мы делаем скромную попытку выяснить движущие силы этого движения. Обмен мнениями и научные дискуссии дадут возможность правильно осветить этот вопрос, от чего зависит и правильная оценка всего движения горцев под руководством Шамиля.

Советские историки уже сделали значительный шаг, чтобы отрешиться от националистической, антимарксистской концепции врага народа Багирова по вопросу о характере движения мюридизма.

Н. А. Смирнов в своей работе «Реакционная сущность движения мюридизма и Шамиля на Кавказе» (М. 1952 г.) правильно указал, что колониальная политика царизма являлась одной из причин движения мюридизма.

А. В. Фадеев в статье «О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX в.»¹ поднял вопрос о том, что без внутренней социальной базы движение это долго существовать не могло бы, указал на участие в этом движении рядового узденства и, наконец, высказал правильную мысль, что движение мюридизма нельзя рассматривать как единый поток.

А. М. Пикман в статье «О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами»² справедливо протестует против неправильного цитирования произведений К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросу о характере движения горцев против царской России.

¹ Вопросы истории, 1955 г., № 6, стр. 67—77.

² Вопросы истории, 1956 г., № 3, стр. 75—84.

В статье Г. А. Даниялова¹ правильно подвергается критике Сборник документальных материалов под редакцией Ш. В. Цагарейшвили².

Однако перечисленные работы не внесли полную ясность в вопрос о характере движения мюридизма. Если настоящий доклад хоть частично поможет правильному решению этого вопроса, то автор на большее и не претендует.

I.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ К НАЧАЛУ XIX в.

Исторически сложившиеся экономические и политические связи Дагестана с Россией в значительной мере служили основой добровольного принятия многими феодальными владетелями и отдельными «вольными» обществами подданства России еще до заключения Гюлистанского трактата между Россией и шахской Персией.

В соблюдении мира и сохранении добрых отношений с Россией были заинтересованы не только отдельные феодальные владетели, ориентировавшиеся на царскую Россию, но и жители многих «вольных» обществ, видевших экономическую выгоду для себя в мирных отношениях с ней. Как известно, Россия вела торговлю с прикаспийскими народами еще с начала XVIII в., постепенно вытесняя с рынков товары шахской Персии и султанской Турции.

Дагестан к началу завоевания Кавказа Россией, т. е. к началу XIX в. представлял из себя отсталую страну, раздробленную на ряд феодальных политических образований: шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, ханства Дербентское, Аварское, Казикумухское, Кюриинское, Мехтулинское, майсумство Табасаранское, владения кадия Табасаранского, Эндиреевское, Аксаевское, Костиковское, которые управлялись независимо друг от друга и постоянно вели междуусобные войны. Кроме того существовало большое число так называемых «вольных» обществ, имевших относительную самостоятельность и автономно решавших свои внутренние дела. Многие политические объединения были различны не только по своему этническому составу, но и отличались друг от друга уровнем общественно-экономического развития. Если в горной части Дагестана преобладали ранне-фео-

¹ Вопросы истории, 1956 г., № 7, стр. 68—71.

² Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Тбилиси, 1953 г.

дальние отношения, переплетавшиеся с пережитками патриархально-родовых отношений, то на равнине Дагестана преобладали довольно развитые феодальные отношения.

В начале XIX в. в Дагестане имелось четыре вида земельной собственности: 1) частная, 2) общинная, 3) вакуфная и 4) казенная. Частное землевладение делилось на две категории: а) на крупное феодальное землевладение и б) на мелкие частновладельческие «мюльки». Земли первой категории включали в себя крупные и мелкие земельные массивы, принадлежащие феодалам. Так, например, на Кумыкской плоскости, за Сулаком, вся земля (более 400 тыс. десятин) в основном находилась в руках 10 княжеских фамилий, составлявших 166 хозяйств. Князьям Темировым принадлежало около 70 тыс. десятин, Уцмиевым — 40 тыс. десятин, Алибековым — 23 тыс. десятин; князю Алисултану Казаналипову принадлежало 70 тыс. десятин.

Мюльки принадлежали индивидуальным крестьянским хозяйствам по праву полной частной собственности. В состав мюлька входили не только дом, двор, как исключительное владение индивидуальной семьи, но и пахотные участки, сады, покосы, в отдельных случаях и лесные участки. Индивидуальная малая семья являлась производственной единицей и она распоряжалась результатами своего труда. К. Маркс указывал, что парцеллярный труд, как источник частного присвоения, дает «почву для сосредоточения движимого имущества, например, скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных»¹.

в) Общинные земли состояли главным образом из выгонов, пастбищ и лесов.

г) Вакуфные земли состояли из переданных мечетям по завещанию отдельных граждан земельных участков для использования их в религиозных и благотворительных целях. Хотя сами вакуфные земли большого удельного веса не имели, однако зякат и различные вакуфы на скот, земли, леса и дома давали духовенству возможность накапливать богатство в мечетях и в своих руках.

д) В засулакских феодальных владениях, вошедших в состав России еще в XVIII в., было также около 20 тыс. дес. казенных земель.

Дагестанское общество в начале XIX в. делилось на два основных класса: феодалов и крестьянства. Шамхал, ханы, беки, чанки, сала-уздени, крупное духовенство составляли класс феодалов, сосредоточивших в своих руках большую часть народного богатства. Класс крестьянства в свою очередь, делился на несколько групп: на свободных и зависимых узденей, раят, чагар и терекемейцев. Еще задолго до XIX в. феодальная знать равнинного Дагестана подчинила себе основную массу крестьян, поставила ее в зависимость от себя. Главной производящей массой здесь являлись зависимые уздени, степень их зависимости была различна.

На положении крепостных крестьян находились так называемые чагары и раяты, которые по сравнению с зависимой узденской массой представляли менее значительную группу.

Чагары составляли категорию крестьян, лично зависимых, посаженных на земли владельцев и не имевших никаких прав на эту землю. Все чагары подвергались прямому внеэкономическому принуждению. Феодал, хотя он и наделял своего чагара землей, сохранял за собой право в любое время заставлять его работать для своего дома. Более того, чагары, как крепостные, могли быть проданы в другие руки, наказаны и т. д. К категории крепостных крестьян кумыкских князей относились и терекемейцы.

Узденская масса, исключая сала-узденей, только формально считалась свободной. В шамхальстве отдельные старые сельские общества, находившиеся здесь еще до переселения шамхалов из Казикумуха, сохранили часть общинных земель в своей собственности, а на те земли, которые были узурпированы феодалами, сохранили сервитутное право на выпас скота и т. д. Здесь все крестьяне, исключая небольшое количество чагар, считались свободными узденями, однако абсолютное большинство узденей находилось в обязательных отношениях к феодалам. Жители многих селений, считавшиеся узденями, не отличались от крепостных крестьян. В Мехтулинском ханстве феодальная эксплуатация была выражена сильнее, чем в шамхальстве, а в нижней части Кайтага, в Дербентском ханстве и в Нижнем Табасаране феодаль-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 605.

ная эксплуатация крестьян (раят). была еще сильнее и сопровождалась крайностями восточного деспотизма.

В горной части Дагестана свободное и независимое от феодалов узденство составляло подавляющее большинство и являлось основным производительным населением. Только жители отдельных сельских обществ, входивших в состав ханства, отбывали феодалам продуктовую ренту или как райаты или как зависимые уздени. Характерны в этом отношении данные, обнаруженные в 1956 г. в с. Харадерих Нурмагомедовым о податях аварскому хану. Феодал, владея горными пастбищами и сдавая их в аренду сельским обществам или отдельным общинникам, держал их в значительной экономической зависимости. Эта арендная плата в горных условиях выступала, как феодальная продуктовая рента. Летние горные пастбища имели как аварские, так и казкумухские и кюринские ханы, а также уцмий Кайтагский.

Точно так же феодалы равнинного Дагестана, сдавая в аренду земельные пастбища группам узденей с гор для выпаса овец, получали феодальную ренту.

В Дагестане в первую половину XIX в. господствовала натуральная продуктовая рента, однако и барщина играла значительную роль. Продуктовая рента по сравнению с барщиной характеризует значительное развитие феодализма. «Рента продуктами, — пишет К. Маркс, — предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития труда и общества вообще»¹.

При ренте продуктами непосредственный производитель может выкроить для себя избыточное время. Здесь появляется различие в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей, возможность эксплуатировать чужой труд. «Вместе с этой формой ренты, — пишет В. И. Ленин, — появляются более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей... при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения. Но развиваться эти зачатки могут только при следующей форме ренты — при денежной ренте, которая является простым изменением формы натуральной ренты»².

Денежная форма ренты в Дагестане начала развиваться со второй половины XIX в., но не успела занять господствующее положение.

До середины XIX в., ввиду неразвитости производительных сил и чрезмерной эксплуатации зависимых крестьян, возможность производства продуктов на рынок была ограниченной. Крестьянское хозяйство в основном базировалось на простом воспроизводстве. «При натуральном хозяйстве, — пишет В. И. Ленин, — общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания и кончая окончательной подготовкой их к потребителю»¹.

К категории совершенно бесправных людей относились патриархальные рабы. В системе производительных сил исследуемого периода рабы не играли особой роли, их численность была невелика.

В отличие от горного Дагестана, вся равнинная часть Дагестана стала быстро развиваться с самого начала XIX в., так как эта территория уже тогда включилась в экономику России.

К сожалению, мы не имеем данных о численности различных слоев населения Дагестана к началу XIX в., а располагаем лишь данными, относящимися к середине XIX в. В отчете начальника Дагестанской области от 21 августа 1861 г. приведены следующие данные о населении Дагестана:

	Муж.	Жен.
Потомственные дворяне	1278	1330
Духовенство	4500	4100
Торговое сословие, живущее в городах и штабквартирах войск (сюда, видимо, входили и ремесленники — Х.-М. Х.)	7592	6930
Уздени (в том числе и зависимые Х.-М. Х.)	281524	277712
Поселяне, живущие на владельческих землях (райаты и чагары — Х.-М. Х.)	5721	5421
Кулов	1900	1987
ИТОГО:	302515	277485 ²

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, изд. 4, стр. 15—16.

² ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71, л. 7.

¹ К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 806.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 3, изд. 4, стр. 143.

В это число не входят жители бывшего Хасавюртовского округа, так как он входил в Терскую область. В таблице отсутствуют и данные о количестве ремесленников, чанков, вероятно, охвачены не все беки.

По данным, приведенным в отчете начальника Дагестанской области за 1871 г., в одном Казикумухском округе было 74 души, принадлежащих к бекскому сословию, и 820 душ чанков. В Гунибском же округе насчитывалось только 416 душ чанков¹. В Аварском и в Андийском округах, по данным переписи 1886 г., числилось 5 потомков ханов, 37 беков и 143 чанка².

В Аварских районах большинство взрослых мужчин ханского, бекского и чанского сословий было уничтожено в период мюридизма.

Как указано в таблице, духовенство составляло 8600 душ. Смело можно сказать, что до начала движения мюридизма их было гораздо больше, так как не мало их полегло на поле брани.

Авария в целом являлась поставщиком духовенства для многих соседних народов. Мечетская собственность и различные пожертвования позволяли здесь готовить кадры духовенства.

В Дагестане в 1861 г. было учтено 1628 мечетей³. В большинстве из них обучались муталимы, которые содержались на «напаке», т. е. питание их было за счёт мечетей. Для этой цели выделялась часть религиозного налога зяката. Значительная часть духовенства была состоятельной, многие имели свое крепкое хозяйство.

С присоединением Дагестана к России и запрещением работорговли число рабов резко сократилось. Прежде оно должно было быть значительным.

Одна из специфических особенностей феодализма в Дагестане заключалась в том, что самая значительная группа зависимых крестьян была представлена не чагарами и райтами, т. е. крепостными в полном смысле этого слова, как это было в дореформенной России, а зависимыми узденями.

Наличие частновладельческих земель (мюльки), применение рабского труда, развитие ремесла и меновых

отношений привели к имущественному и социальному расслоению и в «вольных» обществах. Население в них делилось на духовенство, феодализирующуюся узденскую верхушку и свободных узденей, которые представляли собой преобладающую часть населения. В отдельных обществах жили беки и чанки, владевшие большими массивами земель. Односельчане отбывали им известные подати и повинности. Многие «вольные» общества часто попадали в экономическую и политическую зависимость от соседних феодальных владельцев и несли определенные обязательства, в частности выставляли войска по требованию феодала.

Захват земли феодалами и концентрация земли и скота в руках духовенства и феодализовавшейся узденской верхушки в «вольных» обществах вели к росту имущественной и социальной дифференциации и ухудшению материального положения рядовых узденей, к усилению их эксплуатации и росту классово-борьбы. Эксплуатация узденства духовенством была завуалирована догмами шарията, его положениями о зякате, вакуфе и других пожертвованиях. Отбывание религиозных налогов считалось обязательным долгом верующего, а не эксплуатацией.

Феодалы и узденская верхушка эксплуатировала горскую бедноту как непосредственно, путем взимания податей и повинностей, в качестве наемных пастухов, так и посредством использования патриархального обычая «взаимопомощи» и родственных связей.

Производственные отношения, господствовавшие в Дагестане, породили соответствующие им политические формы: в сельских общинах горной части Дагестана, где масса крестьян не была окончательно закрепощена, выборность сельских судей, кадиев и т. д. в начале XIX в. сохранилась, хотя эта «выборность» очень часто превращалась в набранье одних и тех же лиц из одной и той же влиятельной фамилии. Тем не менее здесь господствовала выборная форма власти. Власть феодальных элементов сельской общины не успела еще обнижаться, она прикрывалась еще пережитками форм правления первобытно-общинного строя. Хапы аварские, казикумухские и кайтагский уцмий (речь идет о В. Кайтаге—Х.-М. Х.), имели наследственную власть. Они имели везиров и других вельмож при ханском дворе и постоянную дружину—

¹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 79, л. 64.

² ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1031, л. 6.

³ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 79, л. 37.

нукеров. В случае войны отдельные объединения соседних общин обязаны были выставлять воинов на собственном содержании.

Ханы, как правило, не имели сложной системы управления и чиновников на местах. Свою власть ханы осуществляли через обычные сельские органы управления.

В плоскостной части — в Кумыкии, шамхальстве Тарковского, ханстве Мехтулинского, майсумстве Табасаранском, ушмийстве Кайтагского и в Дербентском ханстве власть сельских общин, особенно раятских, не играла особой роли, в них господствовали беки, в руки коих фактически перешла власть. Феодалы назначали своих набов; последнее характерно для дербентского ханства, где бекское звание присваивались не только по происхождению, но и за службу.

Изучение материалов о тухумах, сельских обществах и «вольных» обществах показывает, что дореволюционная, а частично и советская кавказоведческая литература архивировала и идеализировала эти институты. Тухумы рассматривались как классические родовые организации, сельские общины, как союз этих родов, а «вольные» общества, как объединения племен, в коих господствует демократический или республиканский образ правления. Между тем дагестанские тухумы далеки от классических родовых организаций, где господствовала родовая собственность, где все члены рода были равны между собой, где роды именовались по тотемам, где кровнородственный принцип строго сохранялся. В Дагестане изучаемого нами периода господствовала собственность малой семьи, члены тухума были не равны между собой, одни были богаты, другие бедны. Тухумы носили не генетические названия. Дагестанские тухумы XIX в. отражают пережиточные формы родовых организаций, сохранившиеся ввиду специфических условий (наличие натурального хозяйства, политическая раздробленность и т. д.).

Сельские общины являются территориальными организациями. Сельскими общинами управляли в бекских селениях беки, а в других выборные старейшины и духовенство. «Вольные» общества — это союз сельских общин, образованный по территориальному принципу и в большинстве случаев конфедеративным способом. В этих союзах главенствующую роль играли крупные и сильные

общества, а остальные являлись слабыми их союзниками, которые нередко были обязаны нести определенные повинности для главного селения, в коём господствовала богатая верхушка, имевшая порою наследственное право занимать должность старшины или кадия. Феодалы в правах, сохранились еще элементы демократии. В горной части в управлении в значительной мере сохранились пережитки первобытно-общинного строя, а в плоскостной части власть феодалов элементов выступает открыто, как власть эксплуататоров-феодалов.

К. Маркс в письме П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г. писал: «Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества»¹.

Развивавшиеся в недрах крепостного хозяйства России товарно-денежные отношения привели в конце XVIII в. к усилению капиталистического уклада в стране, развитию внутренней и внешней торговли. В этих условиях стремление царизма присоединить Кавказ к России диктовалось как политическими и стратегическими, так и экономическими интересами. Эти интересы лежали в основе завоевания Дагестана, являвшегося важным военно-стратегическим районом и транзитной артерией в планах российской экспансии на Восток.

До начала XIX в. феодалы Дагестана, входя в состав России, сохраняли за собой самостоятельность и рассматривались как союзники России и за верность ей получали чины и жалование, но не были обязаны нести какие-либо подати или повинности. В связи же с присоединением Дагестана к России они должны были не только соблюдать верность царизму, но и поддерживать царскую казну. Это обстоятельство, а более всего их персидско-турецкая ориентация были причинами выступления некоторых из них против России в 1818—

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат. М. 1949, стр. 77.

1820 гг. Царизм теперь уже не стеснялся лишать владельца титулов и власти и заменять их новыми, если они переставали отвечать интересам царизма. Над ними был установлен контроль командиров воинских частей, введенных в Дагестан в середине 1806 года при сохранении прежних форм управления. Формально права владельцев были ограничены на смертную казнь, членовредительство и отчуждение лично им не принадлежащих на правах частной собственности имений, фактически же они пользовались всеми своими правами хуже прежнего. Было сохранено и бекское управление.

Если в период Ермолова (1816—1826) отдельные феодальные владельцы Дагестана и были лишены ханского достоинства (Адилхан, Султан-Ахмед-хан, Хасанхан и Сурхай-хан), то вместо них были поставлены другие из тех же фамилий. Таким образом, класс феодалов в целом не только сохранил свои социально-политические устои, но и усилил их, опираясь на царизм.

Характерно в связи с этим то, что выступления отдельных владельцев против России не были поддержаны народом. Таким образом, в связи с завоеванием Дагестана царской Россией в начале XIX в. феодалы и богатая общинная знать еще более утвердились в своих правах и привилегиях. Духовенство не пользовалось доверием у царских чиновников, которые считали его турецкой агентурой враждебной России.

Значительная часть крестьянства была недовольна колониальной политикой царизма, прежде всего потому, что местные эксплуататорские элементы, опираясь на царские войска, усиливали эксплуатацию крестьян, кроме того, тяжесть многочисленных податей и натуральных повинностей, связанных с нахождением в Дагестане многочисленных отрядов царских войск и строительством различных военных укреплений, легла на плечи крестьян.

Таким образом, можно констатировать существование в 20-х гг. XIX в. двух основных слоев населения, недовольных колониальной политикой царизма и враждебных местным феодалам, — это основная масса духовенства и значительная часть рядовых крестьян. Однако это не значит, что не было никаких отклонений в ту или другую сторону. Немало было сельских обществ в горах, жители которых не хотели поддерживать мюридизм, их силой завоевывали. Были отдельные представители духовенст-

ва, не согласные с мюридизмом. Их уничтожали. Отдельные представители феодального класса и тем более узденской верхушки принимали активное участие в движении горцев под руководством имамов.

Перейдем к рассмотрению этих основных движущих сил мюридизма в Дагестане.

II.

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ МЮРИДИЗМА В ДАГЕСТАНЕ

Мюридизм¹, как религиозно-политическое учение, возник в Дагестане в 1828 г. и просуществовал до 1859 г., т. е. до пленения Шамшля. Эти 30 лет можно разбить на следующие три периода.

1. С 1828 по 1839 г., когда мюридизм, как религиозно-политическое течение, оформился, определил свое отношение к различным слоям населения, имел идеологический успех в деле пропаганды обновленного тариката среди населения, особенно плоскостного (при Кази-мулле). Однако мюридизм не успел окончательно укрепиться и оформиться в военно-теократическую монархию, он был разгромлен в 1839 г. при штурме Ахульго.

¹ Слово мюридизм происходит от арабского слова мюрид, что значит ищущий или стремящийся нравственным путем приблизиться к богу, следуя своему мюридиду. Чтобы стать мюридом обязательно требовалось благословение муршида и кроме безусловного выполнения шариата, регулирующего практическую сторону жизни и быта мусульман, мюрид был обязан взять на себя еще другие обязательства (салават, зикри, тавбу), которые якобы угодны богу, но не обязательны для не мюрида. Учение, которое якобы способствует приближению к богу путем вечного моления и отвлечения от земной жизни, называется тарикат. Но это не предел, чтобы окончательно приблизиться к богу, познать его, оказывается надо достичь следующей ступени — маарифат. Этой ступени, по учению тариката, достигают только избранные.

Что касается дагестанского мюридизма, то здесь мюридами считались не только настоящие муршиды, но и все, ставшие под оружие имама. Таким образом понятие дагестанского мюридизма не соответствует значению мюридизма в узком смысле слова. Кроме того, мюриды секты накшибенди не должны были вмешиваться в политику. В нашей дагестанской действительности эта секта приняла воинственный характер. Учителями, направившими секту на это русло, являются Магомед из Яраги и Джамаалдин из Казикумуха.

2. С 1840 по 1850 г. Этот отрезок времени в литературе было принято называть блистательной эпохой Шамиля. В этот период оформляется военно-теократическая монархия Шамиля, так называемый имамат. Территория имамата разбивается на наибства, создаются регулярные войска, образуется казна имамата, издаются указы. Горцы под руководством Шамиля одерживают блестящие успехи в борьбе с царскими войсками, ликвидируют около 12 русских укреплений. Вся Авария и почти вся Чечня очищаются от русских войск и в 1843 г. Шамиль угрожает Темир-Хан-Шуре. В этот период Шамиль организует большинство экспедиций в Акушу, Казикумух, Ахты, Табасаран и Кайтаг.

3. Период падения имамата Шамиля (1850—1859 гг.). В эти годы больших военных успехов Шамиль не имеет. В период Крымской войны он почти бездействует. Наибы Шамиля и другие его управители отдаляются от народа, усиливают гнет и произвол над ним. Наибы превращаются в типичных феодалов, многие из них изменяют Шамилю. Увеличивается недовольство населения, учащаются случаи перехода на сторону русских. Шамиль усиливает репрессии, его оставляет восточный ветер победы и преследует западный ветер мщенья, как образно выразился в своей поэме Гаджи Магомед из Сугратля. Шамиль, покинутый населением, спасается с горсточкой мюридов на гору Гушиб, где он 25 августа 1859 г. и был взят в плен.

В связи с присоединением Дагестана к России мусульманское духовенство Дагестана, представлявшее серьезную силу, не только по своей численности, но и по своему влиянию на общество, оказалось вышнбленным из того привилегированного положения, которое оно занимало раньше и которое приносило ему немало материальных выгод. Религиозный закон шариат, на который опиралось духовенство, был отодвинут на задний план, преимущество давалось местному обычному праву. Сфера влияния духовенства на общественные дела была сужена. Ограничение духовенства в правах и привилегиях объяснялось тем, что оно питало симпатию к мусульманской Турции, занимавшей тогда враждебную позицию к России. Поэтому Ермолов и другие царские чиновники отрицательно относились к духовенству Дагестана, возбуждали в нем недовольство то запрещением

ездить на поклонение в Мекку и Медину, то изъятием из его юрисдикции уголовных и гражданских дел.

Известно, что дагестанское мусульманское духовенство поддерживало связь с духовенством мусульманского Ближнего Востока не только путем хадж (посещением святых мест) и получением оттуда теологической литературы, но и тем, что некоторые из них получали там образование. Мусульманское духовенство Турции, верю служившее своему халифу, использовало эти связи в политических видах, настраивало духовенство мусульманских областей Кавказа, Закавказья, Средней Азии и Поволжья против христианской России, опираясь при этом на положение корана о непримиримости этих двух религий и необходимости вечной борьбы между ними.

Убедившись, что царские чиновники, прибывшие в Дагестан, стараются в известной мере изолировать духовенство от населения, духовенство Дагестана начало серьезно побаиваться за свою судьбу и судьбу мусульманской религии. Они стали говорить, что феодалы приблизили к себе христиан ради своего обогащения, что из-за них гаснет религия ислама.

В этом мы убеждаемся из писем Шамиля и Джамал-Эддига Казикумухского. Так, в письме Шамиля к Ибрагим-паше турецкому говорится: «Поистине пределы Дагестана были крепкой землей, на которую никогда не ступала нога захватчика, поклонника креста... из племени заблужденных. Когда предатели наши ханы, дурные отщепенцы, управители, зацепились за подошвы этих презренных неверных в надежде на плотские блага через их руки, приблизились они к нам, ханы приблизили их к нашим краям и тянули их к нашей родине ради своих плотских целей и ради удовлетворения своих грязных, дьявольских прихотей. Вследствие этого наша священная и благородная земля чуть было не попала под власть темноты неверия и заблуждения. Правила шариата чуть было не развалились благодаря проискам блудливых...»¹.

Почти подобного же содержания письмо было написано в 1848 г. мюршидом Джамал-Эдином из Казикумуха к Шейху Апаиди из Турции.

«В Дагестане много населения, много богословов, много храбрецов. Часть населения находилась в руках

¹ Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 2190.

ханов, а другая часть жила самостоятельно, никому не подчиняясь. В эти годы северные увидели, что мусульмане остыли к вере, разрознены и среди них возникли различные группы, что владельцы, занятые междоусобицей, потеряли воинственность исламистов, заботятся только об устройстве личного благополучия ради получения копеек из рук неверных. Неверные угадали как их можно привлечь на свою сторону. Они кинули им деньги и использовали их до конца. Вследствие этого неверные распространились и стали главенствовать над мусульманами дагестанских селений. Они хотят погасить силу ислама и расширить дорогу для христианства... Неверные построили в важных местах крепости, обложили население податями и повинностями...»¹.

В обоих письмах подробно излагается как проходила борьба между русскими войсками и дагестанцами, какие были потери с обеих сторон и как трудно защищать ислам без посторонней помощи. Авторы писем упрекают богословов Турции в том, что они не идут дальше обещаний, не оказывают реальной помощи. Если нельзя помочь материально, то почему они не добиваются через султана прекращения царем войны против Дагестана.

Из этих писем и других документов явствует, что духовенство почувствовало, что оно окончательно теряет почву под ногами. Поэтому духовенство заявляло: борьба против неверных колонизаторов и местных феодалов, которые им продались, является священным долгом действительных мусульман ради спасения ислама и защиты шариата.

Духовенство не только хотело сохранить свое привилегированное положение среди населения, но и, если возможно, стать во главе народа, т. е. захватить политическую власть в Дагестане. Для этого духовенство решило прежде всего использовать религию. Вот почему так остро стал вопрос о восстановлении якобы погибающего шариата.

Главнокомандующий на Кавказе Паскевич 27 марта 1830 года в письме к военному министру Чернышеву сообщал: «Из обстоятельства сего дела открывается, что возмутитель Казн-Магома, по званию своему принадлежащий к духовному классу, видя, что духовенство маго-

метанское с давнего времени утратило выгоды перенести в народных делах и решать несогласия между частными лицами посредством произвольных истолкований корана: ибо власть судная в землях, состоящих под влиянием России, ныне находится отчасти на попечении местного нашего начальства, а частью еще в заведывании самих владельцев и старшин обществ, покровительствуемых правительством нашим, предпринял произвестись переворот в пользу духовенства восстановлением вновь шариатов»¹.

Было бы непростительной ошибкой считать, что духовенство было способно выступить против местных феодалов и тем более против регулярных войск царской России без поддержки населения. Духовенство долго готовилось к предстоящей борьбе, вербовало себе сторонников, а для этого развернуло большую религиозную пропаганду среди верующих. Ему удалось привлечь на свою сторону значительную часть крестьянства, недовольного захватнической колониальной политикой царизма и гнетом местных феодалов.

Колониальная политика царизма выражалась в этот период в жестоких методах ведения войны, в сожжении аулов, в истреблении населения, в оскорблении религиозных чувств, в расстрелах аманатов, в притеснениях и арестах жителей, в наложении на них тяжелых контрибуций, податей и натуральных повинностей.

Царские войска под командованием Ермолова и Мадатова в 1818—1820 гг. огнем и мечом прошли по мирным селениям равнинного и предгорного Дагестана. Безжалостно и бесцельно стирали они с лица земли многие селения, убивали и разоряли жителей только с одной целью — навести страх. Терекемейские селения, жители которых с нетерпением ожидали прихода русских войск, надеясь избавиться от жестокого гнета Капитанского удмия и его беков, были безпричинно разорены. О жестоком характере войны, которую вели царские генералы в Дагестане, говорится в статье А. Юрова: «Ураганом пронесли по горским землям, особенно по Чечне и Дагестану, большие отряды русских войск, оставляя за собой кровавые следы и груды развалин»².

¹ Рукописный фонд Института истории АН СССР, Б. разд. V, д. 27, л. 150.

² Кавказский сборник, т. IV, стр. 4.

¹ Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 2189.

На жестокие методы ведения войны указывает и революционный демократ Н. А. Добролюбов¹, а великий русский художник слова Л. Н. Толстой в своем произведении «Хаджи Мурад» пишет, что по приказу Николая I «солдатам было велено сжечь хлеба, сено и самые сакли...»².

Автор «Исторической записки об управлении Кавказом» С. Эсадзе правильно отмечает, что «учение мюридизма приняло острую форму, как протест против усвоенной Ермольевым системы репрессий по отношению к мусульманам»³.

Таким образом, участие в этом движении значительной массы рядового крестьянства объясняется жестокой колониальной политикой царизма. При этом надо учесть, что духовенство делало все для того, чтобы убедить горцев, что война ведется ради сохранения независимости, семейной чести и неприкосновенности религии.

«Успехи мюридизма, — писал Н. А. Добролюбов, — надо объяснить враждебностью горцев к русскому владычеству... Ненависть к чужому господству в горах была сильна... Наше управление не соответствовало местным потребностям и соотношениям»⁴. Он отвечает так же на вопрос за что горцы боролись: «А между тем борьба велась со стороны горцев, — пишет он, — за независимость их страны, за неприкосновенность их быта»⁵.

Не случайно, что мюридизм первоначально нашел благоприятную почву для себя именно в той части Дагестана, где народ был больше всего угнетен и пострадал от колониальной политики царизма, а именно, в Кюринском ханстве в Южном Дагестане. В 1812 г., когда здесь было создано Кюринское ханство, население было обложено оброком в пользу царской казны в размере 9 тыс. четвертей пшеницы и ячменя. Кроме того, жадный и корыстолюбивый Аслан-хан и его беки отнимали у крестьян все, что было возможно. Бывшие до 1811 г. свободными,

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. Т. IV, М. 1937, стр. 146.

² Л. Толстой. Хаджи-Мурад. 1945, стр. 84.

³ С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I, Тифлис, 1907, стр. 40.

⁴ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. Т. IV, М. 1937, стр. 143.

⁵ Там же, стр. 155.

лезгинцы оказались поработанными силой оружия. Это положение вызвало возмущение крестьян, которое особенно усилилось в 20-х годах XIX в.

По ту сторону Кавказского хребта, в Кюрдамире, в это время проживал Эффенди Гаджи-Измаил, который возглавлял секту своих приверженцев, называвшихся мюридами. Преданность учителю и слепое повиновение его воле были главнейшими правилами поведения мюридов.

В 1823 г. этот Гаджи-Измаил, через своего сообщника Хас-Магомеда, вызвал к себе видного богослова Дагестана муллу Магомеда из сел. Яраги и некоторых других духовных лиц. После возвращения из Кюрдамира мулла Магомед, став уже мюршидом Дагестана, организовал у себя подобную же секту мюридов. Секта муллы Магомеда, кроме религиозных целей, открыто ставила и политические цели. Мюриды его ходили из аула в аул с обнаженными деревянными шашками и призывали народ на газават. В 1824 г. на одном из собраний, где присутствовали видные представители духовенства почти со всего Дагестана, в частности Джамал-Эддин из Казикумуха, Казн-мулла из Гимри, Шейх Шабан из Бохнода, Гаджи Юсуф из Губдена, мулла Хан-Мохаммед из Табасарана и др.¹, мулла Магомед из Яраги изложил программу своей мюридистской организации.

«Не смогу найти, — заявил он, — более подходящей минуты и более благоприятного настроения у вас, чем сейчас, для того, чтобы изложить вам святые истины законов нашего пророка. Так, как мы живем сейчас, мы не мусульмане и не христиане и не идолопоклонники. Человек же должен крепко держаться того, что он уразумел, как лучше на земле. И это единное наше благо — это вера наших отцов. Но первый закон этой веры — это свобода во всех отношениях. Ни один мусульманин не должен быть подданным или рабом другого, и, еще того меньше, жить поработанным чужими народами, не только не укрепляющими и не распространяющими нашу религию, а наоборот, стремящимися подавить ее.

¹ Кавказский сборник. Т. XXIII, стр. 47. Рукописный фонд Института истории АН СССР, р. А, д. 24, стр. 813.

Второй закон равен первому, ибо один без другого не может существовать. Этот закон гласит: война против неверных и выполнение шариата. Тот, кто не придерживается шариата и никогда не обнажал меча против неверных, для того, никогда не наступит спасение, обещающее нам аллахом через своего пророка. Тот же, кто действительно желает выполнять повеления шариата, тот должен радостно отречься от всех земных благ и кровь свою и имущество отдать на защиту своего бога, оставить свой дом, жену и детей и последовать призыву битв»¹.

Мулла Магомед для убедительности каялся, что он ошибался, получая от верующих приношения, и просил разделить его имущество между собой.

После того, как мулла Магомед из Яраги стал мюршидом, деятельность его в Дагестане усилилась. Об этом стало известно Ермолову. В марте 1824 года, когда Ермоллов получил известие о кюринских происшествиях, он вызвал Аслан-хана в Кубу и предложил прекратить возникающее беспокойствие. Аслан-хан поехал в Касумкент, куда вызвал муллу Магомеда с его соучастниками². В беседе с Аслан-ханом мулла Магомед заявил, что он руководит распространением тариката и что не перестанет это делать. Аслан-хан ударил его по лицу, а других мулл заставил прыгать целый час на одной ноге. Но когда гнев прошел, Аслан-хан просил Магомеда не собирать мюршидов и отпустил его, а Ермоллову сообщил, что спокойствие обеспечено³.

В 1825 году местное начальство вторично довело до сведения Ермоллова о непрекращающихся действиях мулл Магомеда и об успехах его учения. Ермоллов предложил на этот раз Аслан-хану схватить мюршида и доставить его в Тифлис. Аслан-хан поручил это дело Гарунбеку, правителю кюринских владений. Мулла Магомед был переведен в Курах, оттуда бежал, скрывался в табасаранских лесах в течение двух лет, а в 1830 г. убежал в Аварию и поселился в с. Балаханы. До конца своей

жизни он находился в горах и руководил движением мюридизма, оставаясь его идейным вдохновителем.

Учеником и преемником мюршида Магомеда сделался Джемалуддин Казикумухский.

Таким образом, мюридизм, как религиозно-политическое течение, хотя и возник там, где сильнее всего чувствовалась колониальная политика царизма, в Кюринском ханстве, однако развиваться до вооруженного выступления не мог ввиду наличия там русских войск и принятых мер предосторожности. Мюридизм, как религиозно-политическое течение, окончательно оформился в 1828 г. в горных обществах Аварии, где духовенство было сильно и в ряде обществ фактически держало власть в своих руках, где население особенно было религиозно настроено, где отсутствовали русские войска, а потому туда бежали жители из разоренных царскими войсками селений плоскостного и предгорного Дагестана и Чечни и все преследуемые царизмом лица. Все эти благоприятные условия дали духовенству возможность сплотиться для борьбы против завоевателей и повести за собой значительную часть крестьянства.

Во главе движения мюридизма стал Казимулла из Гимры, который, так же как и его учитель Магомед из Яраги, употребил все средства, чтобы распространить так называемое новое учение среди горцев. Он часто произносил речи перед народом, собиравшимся к нему в большом количестве, и, кроме того, рассылал окружающим муллам и другим духовным лицам письменные призывы. Одно такое послание оканчивается следующими словами: «На свете есть евреи, христиане, огнепоклонники и много других народов, все они имеют собственную веру, которой и преданы, самостоятельные законы, которым они следуют. Только мы одни не имеем больше никакой религии, никаких законов, или правильнее, — мы не следуем им, потому что мы их не знаем. У христиан есть евангелие, у евреев талмуд и у нас есть коран и священный шариат, но к стыду нашему мы должны признаться, что мы не знаем ни то, ни другое»¹. Дальше по существу следует повторение вышеприведенной речи

¹ Рукописный фонд Института истории АН СССР, р. А, д. 24, стр. 805.

² А. Н. Неверовский. О начале беспокойств в Северном и Среднем Дагестане, СПб, 1847, стр. 2—3.

³ Там же, стр. 10.

¹ Рукописный фонд Института истории АН СССР, р. А, д. 24, стр. 810.

муллы Магомеда. Воззвание заканчивается призывом к борьбе с неверными.

Казимуллу проклинали местные обычаи и называли людей, придерживающихся адатов, неверными. Это объясняется тем, что обычаи мешали господству шариата. Не только феодалы, но и многие сельские общества имели свои особые адаты, которые в ряде случаев гораздо больше, чем шариат, отвечали их правосознанию. Если шариат применялся при рассмотрении гражданских дел, то, как правило, при рассмотрении уголовных дел применялся адат, так как адату чужды такие жестокие наказания шариата, как членовредительство. Поэтому не случайно, что адаты отставали не только светские феодалы и узденская верхушка, для которых они являлись источником доходов и основой их привилегий, но и рядовые уздени целого ряда обществ, поскольку в адатах сохранялись демократические элементы. Борьба против адатов преследовала цель расчистить путь для полного господства шариата, а следовательно и духовенства. Этим обстоятельством следует объяснить указание имамов о сожжении всех сборщиков адатов и запрещении их под страхом смертной казни.

«Книги обычаев, — говорил Казимуллу, — это кодекс рабов коварного шайтана. Владыка мира свершит суд между магометанами и упорствующими, заложившими фундамент подлых обычаев. Когда последователи Мухаммеда достигнут того, что ухватятся за крепкое вервие, последователи обычаев не найдут себе никакой помощи. Завтра узнают они, кто из этих двух выполнит свое обещание, когда увидят наморщенные лица, да удалит в день исповедания от светлого — кавсар — человека, который любит обычаи. Если обладатель обычаев равнодушен основоположнику шариата, тогда у нас не найдется разницы между праведником и неестивцем. И для чего тогда были ниспосланы пророки, для чего были установлены шариаты, для чего был ниспослан корабль, с его предостерегающими стихами... Как можно жить, — восклицал он, — там, где сердце не успокаивается и где не внимают воле господней! Там где отрицается светлый шариат и где дела решает предатель-окаянный»¹.

Таким образом, обычаи подверглись нападкам Казимуллы и других имамов потому, что за обычаями стояли люди, которые мешали господству идеологии мюридизма. Устранение адатов могло способствовать привлечению под знамя мюридизма более широких кругов верующих горцев. Первый свой поход Казимуллу организовал в Черкей. Здесь они произносили длинные, грозные проповеди, угрожая гибелью и проклятием, и в качестве единственного средства к спасению и блаженству указывали на проповедуемое ими учение, главной заповедью которого являются ненависть и война с неверными. Черкеевцы заявили, что они будут придерживаться шариата, однако воевать с русскими они не в состоянии, так как русские войска во много раз сильнее их и расположены поблизости к аулу.

Удовлетворившись согласием черкеевцев принять шариат, Казимуллу и Шамиль продолжали вербовать себе сторонников, и когда силы были накоплены и учение мюридизма нашло отклик среди рядового узденства, от пропаганды мюридизма они перешли к действиям против тех обществ Дагестана, которые не хотели добровольно признавать шариат. Однако ханский дом в Хунзахе отстоял от Казимуллы в вооруженной борьбе. Мюриды потерпели поражение, после чего Казимуллу устремился на равнину Дагестана. Его успехи на Кумыкской плоскости, на территории шамхальства Тарковского и в Табасаране, позволившие ему разорить Кизляр и держать в осаде Дербент, объясняются тем, что угнетенные царизмом и местными феодалами крестьянские массы видели в нем освободителя. Однако Казимуллу недолго имел успехи. Преследуемый русскими войсками, он отступил в горы. В 1832 г. в сел. Гимры он потерпел поражение и был убит.

Сейчас же после смерти Казимуллы «волею муршида, муллы Магомеда Ярагского преемником Казимуллы провозглашен был аварский житель Гамзат-бек, при котором Шамиль явился первым распорядителем всех действий»¹. Гамзат, так же как и Казимуллу, при помощи вооруженных отрядов мюридов приводил в повиновение непокорные ему общества. Он воевал с андалальцами, цудахарцами и др., истребил хунзахских ханов

¹ Кавказский сборник. Т. XXIII, стр. 37.

¹ Хроника Мухаммеда Тахира ал Карахи. М.—Л., 1941, стр. 36—37.

и занял их резиденцию. В 1834 году в хунзахской мечети Гамзат был убит Хаджи-Мурадом и его братом Осмапом — молочными братьями хунзахских ханов.

Во главе движения после уговоров духовенства и видных представителей узденства стал Шамиль, который превзошел всех своих предшественников. Он в течение 25 лет (1834—1859) вел войну против царской России.

В одной из своих военно-исторических работ М. В. Фрунзе сопоставляет с движением Шамиля национально-освободительную борьбу Абд-Эль-Кадера против французских завоевателей в Северной Африке (1832—1847 гг.).

«Абд-Эль-Кадер, — пишет М. В. Фрунзе, — одна из крупнейших мусульманских фигур прошлого столетия. По своим военным дарованиям, неукротимой энергии, железной воле и влиянию на массы он смело может стать рядом со своим современником и борцом за те же цели — кавказским Шамилем. Абд-Эль-Кадеру удалось объединить под своей властью все разоренные кабилские племена Алжирии и в течение почти 20 лет с успехом сопротивляться сильнейшему противнику»¹.

Далее М. В. Фрунзе указывает, что «Марокко представляет поразительное сходство с нашим Кавказом. История героической борьбы кавказских горцев за независимость и по характеру и по энергии сопротивления представляет полную аналогию с борьбой марокканских племен. Она же дает ключ к пониманию затяжного характера этой борьбы и причин поражений, понесенных здесь европейским империализмом»².

Шамиль, так же как и его предшественники, опирался на духовенство, представители которого занимали руководящее положение в покорных Шамилю обществах, а главной движущей силой являлось рядовое узденство. Он беспощадно карал светских феодалов и враждебную юридикцию общинную знать, ориентировавшихся на царскую Россию. Идеологическим оружием Шамиля до-прежнего были догмы ислама и шариа, а лозунгами — джихад и газават. В своей проповеди Шамиль больше всего внимания уделял религиозным чувствам верующих.

¹ М. В. Фрунзе. Европейские цивилизаторы и Марокко. Избранные произведения. М. 1934. Прим. к стр. 250.

² Там же, стр. 249.

В прокламации Шамиля к горским народам говорится: «Мусульмане! Жизнь земная не есть постоянное пребывание человека, она только указатель стези, ведущей путника к высокому богу, ибо кто вошел в сей свет и кто вышел из него, известно токмо единому богу и потому человек обязан слепо верить тайнам, ниспосланным ему свыше, и не может обследовать их бедным умом своим.

Не думаете ли вы, что убитые на войне за веру есть мертвые? Нет!

Они воистину живы перед богом! Обитают и блаженствуют в раю, наслаждаясь всеми сокровищами, дарованными от бога им за труды. Равно бог обещает ту же награду и всем тем, которые последуют им без страха и печали, ибо господь не лишает милости своей труды мусульман. Все принятые богом будут приняты пророком его и получившие раны наследуют им.

Принявшие долю в войне за бога и веру, не убоятся ни боли, ни страдания, ибо господь ниспосылает на них это счастье, как на избранных его.

Убивайте всех тех, которые не приняли иман¹, не веруют в будущую жизнь и не удаляются от запрещенного богом и пророком его, а также и тех, которые не следуют, верно религии, объявленной им от бога через пророков, истребляйте их беспощадно, ибо подданство и дань их есть противные богу. Начавшие войну во имя бога не могут быть равны с отступниками, уклоняющимися себя от участия в ней участия! Господь не поведет их путями благими, и потому все, держащиеся иману, должны препираться с неверными силою, не щадя ни жизни, ни имущества, и возвысить себя в угодность богу; тогда и милость его будет неисчерпаема, как на земле, так и в будущем веке, где ожидают их райские утех и сокровища, дарованные богом в наслаждение праведных...

Воистину! Когда отымутся души от убегающих от участия в войне, тогда они будут спрошены ангелами: где вы были во время войны? Ответ их будет: мы не были в силах на земле! Тогда возгласят к ним ангелы: если вы не были в силах, то разве не обширны земли

¹ не верующих в единого бога.

божии, куда бы вы могли удалиться и свободно исполнять заповеди ваши! Но вы, нечестивые, не исполнили завета бога вашего и уготовали себе ад. Идите же туда на муку вечную, ибо господь бог не наказует тех только, которые по дряхлости лет и по младенчеству не в силах были исполнить заповедного богом, они же чисты сердцем и господь долготерпелив и многомилостив.

Кто оставит дом свой во имя бога, по примеру пророка своего, и удаляясь от мест угнетения веры, умрет на пути своем, то за труды и послушание бог не оставит его, ибо он щедр и правосуден»¹.

Эта прокламация является ярким свидетельством реакционности идеологии мюридизма. Она призывает к убийствам не только неверных и отступников от веры, но и тех, кто не хочет принимать участие в этой борьбе. Ввиду этого я не ошибусь, если скажу, что Шамилю приходилось вести войну на два фронта — против царизма и против жителей многочисленных селений, которые не соглашались участвовать в этом движении. Таким образом, все имамы, опираясь на реакционные устои ислама, использовали религию для вовлечения крестьянства в движение мюридизма.

Многие исследователи, чтобы показать реакционность движения горцев под флагом мюридизма, утверждают, что Шамиль и другие имамы опирались на феодальные элементы Дагестана. Одни говорят, что Шамиль опирался на крупных феодалов, а другие утверждают, что опорой его являлась феодализирующая общинная знать. При этом они не проводят грань между светскими и духовными феодалами. Материалы свидетельствуют, что Шамиль, как и предыдущие имамы, выступил ярким противником светских феодалов. В Аварии почти все они были уничтожены, их права и привилегии были ликвидированы. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, приведенные в литературе и отраженные в архивных документах о мюридизме на Кавказе.

Достаточно перелистать работы секретаря Шамиля Мухаммеда Тахира ал Карахи, чтобы в этом не осталось никакого сомнения.

Мухаммед Тахир указывает, что наиб Шамиль Кебид-Магомед истребил «преступную знать» своего села»²,

ито в сел. «Игали греховодная знать убита»¹. Мухаммед Тахир пишет о многочисленных убийствах феодалов, в частности об истреблении аварских ханов, беков в Эрпели, Султаншиловых в Ругудже и т. д.

Полковник Рудановский в 1845 году писал, что «Кебит-Магома, один из лучших наибов Шамиля, успел стать во главе духовно-демократической партии своего общества и был так счастлив, что истребил всех беков как в Гидатле, так и в части Андалала. С того времени он управляет обществом и постоянно отличается жестокостью»².

Наиб Шамиля Аличулла уничтожил всех феодалов в аулах Кидиб и Саситль. Гамзат-бек истребил феодалов Султаниловых в ауле Ругуджа в количестве 50 человек³.

Известен факт поголовного истребления Гамзат-беком аварских ханов⁴.

Подполковник Юрьев, повторяя Прушановского, писал, что Кази-мулла «действовал против власти князей и дворянства и более тридцати влиятельных беков лишил жизни»⁵. Шамиль не уступал своим предшественникам.

В записке полковника Викторова об отношении Шамиля к покоренным им народностям и о политике представителей царской власти мы находим следующее место: «Нужно поспешнее поддержать и достоинство агаларов и беков, уравнивать их с достоинством дворян Грузии, определить право их на земли и взаимные отношения с подвластными им людьми; это необходимо по настоящему положению дел, ибо таковые права и достоинства составят противодействующую силу фанатическому мечу Шамиля»⁶.

Воронцов в 40-х годах XIX в. по этому вопросу писал: «Одно только аристократическое начало может

¹ Мухаммед-Тахир Ал Карахи. М.—Л., 1941, стр. 73.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19284, ч. I, л. 59.

³ Рук. фонд Ин-та ИЯЛ, д. 1744, стр. 76.

⁴ Неверовский И. Об истреблении аварских ханов в 1834 г. СПб., 1848, стр. 16.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6550, л. 10.

⁶ Сб. «Шамиль — ставленник султанской Турции и англ. колонизаторов», Тбилиси, 1953, стр. 234.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6457, лл. 50—51 и об.

² Мухаммед-Тахир ал Карахи. М.—Л., 1941, стр. 73.

побороть то направление демократическое, которое развилось и так глубоко пустило свои корни в Дагестане и против которого доселе кроме оружия никакого оплота не было противопоставлено»¹.

К началу 30-х годов XIX в. относится сообщение Кюки фон Клугенау о том, что феодальные владетели, жившие в селениях Кидиб и Саситль, т. е. на территории теперешнего Цумадинского района, «весьма желают, чтобы русская власть туда проникла, ибо через это они более бы утвердились в своей собственности»².

Желание это было закономерным, ибо феодалы знали, что рано или поздно наибы Шамиля их уничтожат и завладеют их имуществом. Так и случилось. Шамиль прекрасно знал, что основную массу горцев составляет рядовое узденство, его поддержка для него имела решающее значение, а поэтому он старался заручиться этой поддержкой.

Капитан генерального штаба Вранкен отмечает, что «в каждом из подвластных Шамилю селений образовались две партии, одна, состоящая из бедных или молодых людей, для которых новое учение есть средство к обогащению или возвышению, и другая из людей зажиточных, понимающих, что рано или поздно, но им придется заплатить своим состоянием»³.

О наибах Шамиля А. Юров пишет: «Они придерживались системы управления своего имама, и зажиточные горцы страдали более всех: они обыкновенно считались людьми подозрительными и на них налагались штрафы, а часто и все их имущество подвергалось секвестру»⁴.

Подобные меры против светской знати со стороны духовенства не были случайными. Они вытекали из самой идеологии мюридизма.

Участник и знаток Кавказской войны Р. А. Фадеев пишет: «Поборники мюридизма шли к своей цели кратчайшим дорогим и не дожидаясь, чтобы чувство религиозного равенства утвердилось привычкой, предпочли утвердить его топором. Владетели, дворяне, где они были, наследственные старшины, люди уважаемых родов

или просто уважаемые лично до появления мюридизма, были вырезаны один за другим и в горах действительно устроилось на время совершенное равенство, потому, что не осталось никого кроме черных людей»¹. «В период Гамзата были «вырезаны лучшие люди в горах для утверждения всеобщего равенства»². «Мюридизм напрягал все силы, чтобы истребить местных правителей и высшие сословия, искоренить стародавние народные обычаи, разделявшие и отличавшие племена, заменяя их повсеместным владычеством шарията и духовенства»³.

Шамиль использовал социальные противоречия в интересах духовенства. Истребление светских феодалов в Аварии и лозунги о равенстве всех создавали иллюзию, что духовенство борется против эксплуатации вообще. Это облегчало задачу вербовки сторонников. Трудящиеся сразу не поняли, что происходит замена светских феодалов духовными, давно претендовавшими на политическую власть. Для трудящихся крестьян суть борьбы заключалась в том, чтобы отстоять свою свободу и избавиться от своих угнетателей, а религиозная форма для них служила только оболочкой этой борьбы.

В. И. Ленин указывает, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития, а не одной России»⁴.

Таким образом, мюридизм в Дагестане включал в себе два основных течения. Первое течение объединяло основную массу духовенства, настоящих тарикатских мюридов. Это течение занимало в движении руководящее положение. Имам, наибы, сельские дибирь (муллы) принадлежали к этому течению. К нему присоединились и отдельные представители господствовавшего класса феодалов, обнищенные царизмом, поэтому вынужденные покинуть свои владения (вроде Даниель-бека). Течение это объединяло не более двух-трех тысяч человек.

Второе течение представляло преимущественно рядовое узденство. Число его было внушительным. Оно колебалось в пределах от 20 до 60 тыс. человек, как об этом

¹ ЦГИАА, ф. 1463, оп. 234, л. 361.

² ЦГВИА, ф. 205, д. 132, л. 177.

³ ЦГИАА, ф. 1268, оп. I, д. 545, Политический обзор Дагестана, 1844 г., л. 33 об.

⁴ Кавказский сборник. Т. IV, стр. 43.

¹ Р. А. Фадеев. Собр. Соч. Т. I, СПб, 1889, стр. 21.

² Там же, стр. 25.

³ Там же, стр. 34.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Том 4, стр. 223.

говорил сам Шамиль при беседе с Казим-беком. Здесь речь идет о волнах, могущих взять в руки оружие.

Оба эти течения различались как по составу, так и по конечным целям, а также по положению, занимаемому ими в движении мюридизма.

Обстановка в 20-х гг. XIX в. сложилась так, что духовенство не могло достичь своей цели — политического господства над обществом, игнорируя интересы узденства, выражавшиеся в желании избавиться от своих угнетателей, установления равенства, защиты своего очага, семейной чести, веры и свободы от иноземных завоевателей. В этом интересы духовенства не расходились с интересами узденства, только равенство духовенство понимало иначе, чем узденя. Таким образом, точками соприкосновения этих двух течений являлась борьба с феодалами и царскими завоевателями под флагом джихада и гававата. Они расходились в целях и мотивах борьбы. Духовенство боролось за политическое господство, за власть, ввиду того, что оно боялось сделаться излишним, если путем войны и внушения не отстоит свои позиции.

Если узденство боролось против всякого гнета, то духовенство и не думало избавить узденство от гнета духовных феодалов. Узденя боролись за религию, как верующие, а духовенство боролось потому, что без религии нет самого духовенства.

Таким образом, участие узденской массы, боровшейся за свободу и независимость, определило прогрессивный, освободительный характер движения горцев против царизма, при всей реакционности идеологии мюридизма, его крайнего шовинизма и враждебности ко всему светскому и, наконец, несмотря на крайний деспотизм военно-теократического режима имамата Шамиля. Это объясняется тем, что для достижения своей цели духовенство должно было решить сперва задачи, стоявшие перед основными участниками этого движения.

Известно, что зависимость от феодалов в Аварии, Салатавии и даже в Губдене была явочным порядком ликвидирована в 40-х гг. XIX в. Однако наибы Шамиля и состоятельные узденя — сторонники мюридизма не только не лишались рабов, а наоборот, им раздавали пленных в качестве рабов. Их было так много, что в 1843 г. можно было купить раба за 50 копеек.

Социальные противоречия между господствующими кругами духовенства и рядовым узденством вылились наружу и достигли высшей точки в третий период мюридизма, т. е. в период падения имамата Шамиля. Эти противоречия в конечном итоге являлись причиной крушения имамата, а внешние силы ускорили этот процесс.

Анализ, данный нами движущим силам мюридизма, не будет полным, если не коснуться практической стороны деятельности имамата, т. е. его режима.

III

ВНУТРЕННИЙ РЕЖИМ ИМАМАТА ШАМИЛЯ

До образования в 1841 г. в с. Дарго военно-теократического совета (Диван-хана) и других органов управления Шамиль ограничивался назначением наибов для руководства отрядами ополчения, кадилев и дибиров для управления селениями. Это объясняется тем, что до 40-х гг. XIX в. территории, охваченные движением мюридизма, очень часто отлагались, переходили из рук в руки¹. После упрочения мюридизма Шамиль создал стройную систему управления и регулярные войска.

Военно-теократический совет состоял из людей высшего духовного звания и являлся совещательным органом при Шамиле. Диван-хана рассматривал все вопросы как военные, гражданские, так и судебные. В обсуждении этих вопросов принимали участие члены совета, однако решение принимал Шамиль единолично.

При разборе судебных дел в Диван-хана также председательствовал сам Шамиль. При нем находился секретарь. Охрану суда несли вооруженные муртазекаты. По очереди приводили обвиняемых. Приговор состоял только из резолютивной части. В случаях присуждения к смертной казни, приговор сейчас же приводился в исполнение палачом, путем отсечения головы.

Из записки штабс-капитана Прушановского видно, что смертная казнь при Шамиле была двух родов:

а) «почетная», когда виновный становится на колени, молится, потом сам раскрывает рубашку у шеи и после

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6294, л. 53.

молитвы наклоняет голову, чтобы ударом секиры палач отсек её;

б) «постыдная» казнь состоит, — пишет Прушановский, — в подобном же отсечении головы, только она снимается на плахе»¹.

Широко практиковалось членовредительство, главным образом, отсечение рук, телесные наказания, заключение в темную и сырую яму. Эти наказания ранее были неизвестны горцам.

Всю занятую им территорию Шамиль разбил на намества. Всего за период движения мюридизма в разных местах Дагестана и Чечни было создано около 50 наместв. Относительно долго существовало около 35 наместв, главным образом в горном Дагестане, в Аварии и Чечне.

По словам Имам-Магомеда из с. Гигатль, Шамиль в разное время назначил около 152 наместв. Большое число наместв объясняется тем, что одни из них были разжалованы, а другие убиты на войне.

Во главе намества стоял наместник, главным образом из числа духовенства, назначенный на эту должность имамом. Наместник был обязан собирать налоги, набирать ополчение, наказывать ослушников шариата. При каждом наместнике находился муфтий, который руководил деятельностью сельских кадиев и дибиров. Наместник имел отряд вооруженных мюридов (до 50 человек) и палача.

«Наместники, — писал Клюкн фон Клугенау в 1843 г., — имеют право казнить людей виновных и вообще полные хозяева во вверенных им участках, но должны отдавать отчет о своих действиях Шамилю»².

В письме к военному министру Чернышеву от 4 февраля 1842 года ген. Граббе сообщал: «Шамиль в Чечне установил награды. Кто из чеченцев окажется храбрым, тот получает эполеты, выкованные из серебра и серебряные медали. Для наказания трусов он приказал отбирать от них оружие и сзади на спине нашивать кусок войлока»³.

В докладной записке Нейгардта военному министру Чернышеву подробно сообщается об административных,

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6512, лл. 3—74.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6468, л. 12.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6467, л. 2.

судебных и военных учреждениях, организованных Шамилем в Чечне¹.

Территории Дагестана, заселенные кумыками, даргинцами, лезгинцами, лакцами и табасаранами, не входили в состав имамата. Они находились в составе России. Имамы устранили на эти территории военные походы, однако укрепиться там на сколько-нибудь продолжительное время они не сумели.

Кроме наместв, Шамиль на короткое время создал и 4 губернии во главе с губернаторами. Каждому губернатору подчинялось несколько наместв. Но вскоре эти губернии были ликвидированы, как средостение между наместниками и имамом. Шамиль организовал личную гвардию в составе 1000 человек муртазикиатов. Муртазикиаты набирались из мюридов-тарикатистов и из особо религиозных горцев, которые были готовы к самопожертвованию ради религии, о чем они давали присягу при своем зачислении в гвардию.

Шамиль создал регулярные войска, главным образом, из конницы, которая насчитывала более 5000 шашек. 10 семейств выделяли одного всадника, который содержался за их счёт². Пехота состояла из ополченцев, которые находились под командой наместников-пятисотников, сотенников, пятидесятников и десятников. Во главе всех войск стоял имам³. Положение о наместниках, изданное в 1847 г., по существу является воинским уставом. В нем введено телесное наказание для рядовых⁴. Шамиль наладил производство пороха, холодного и огнестрельного оружия, а также отливку пушек.

Корепную ломку Шамиль произвел в сельском управлении. Горцы управлялись до мюридизма выборными старейшинами на основании своих адатов, а духовными делами ведали кадие или дибире (муллы). Шамиль ликвидировал институт выборных старейшин вместе с адатами и установил единоличное управление сотенников, кадия или дибире, смотря по величине селения. В своих действиях они руководствовались шариатом, низамами Шамиля и подчинялись наместнику.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6468, л. 23.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6468, л. 12.

³ Кавказский сборник. Т. XXIII, стр. 55.

⁴ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 3, 1870 г.

Ведя борьбу с остатками патриархальной демократии, имамы и наибы старались перестроить весь быт горцев на религиозный лад, рассчитывая таким путем установить господство военно-теократического режима.

По вопросам управления Шамилем были изданы 13 низамов¹. Многие из них преследовали цель обеспечения правопорядка в имамате, однако следует обратить внимание на то, что низам № 13 обязывал родителей выдавать замуж своих дочерей по указанию наибов, в случае отказа они подлежали аресту и заключению в тюрьму. Запрещалось не только употребление вина, но и продажа винограда тем, кто умел производить вино. За употребление вина полагалось 40 ударов палки, а неисправимых приговаривали к смертной казни. Курение табака или похачье его также запрещалось под страхом продевания бечевки сквозь ноздри. Запрещалась музыка, песни и танцы. Виновные в этом подвергались телесному наказанию, или же их сажали на осла и, обмазав лицо сажей, возили по селению. Эти крайности были населению не по душе.

Многие аварские сельские общества, подвергшиеся нападению со стороны войск имамата, в частности, Анди, Чох, Унцукуль и другие, имели торговые связи с Дербентом, Кизляром, Астраханью, Тифлисом. Мюридизм лишил их этих экономических связей, что отрицательно сказалось на материальных условиях жизни населения, вынуждало отходить от Шамиля. Другие общества (Ругуджа, Куяда и др.) хотели жить попрежнему, не внося ломку в социальную жизнь своих обществ. Они предпочитали существующий режим тому новому режиму, который навязывался им. Была и другая причина, мешавшая сельскому обществу присоединиться к мюридизму, — это боязнь быть наказанными русскими войсками. Последнее относится только к тем селениям, которые были расположены близко к коммуникациям русских войск (Гельбах, Аймаки и др.).

Малейшее неповиновение со стороны общества рассматривалось как тягчайшее преступление — измена. Репрессии против непокорных обществ были чрезмерно жестоки. Так, например, Хаджи-Мурад сжег аулы Хунзахского плато и их посевы, а жителей переселил в Хип-

далалы¹. До основания был разрушен и сам Хунзах. Так же были разрушены Ишкарты и Эрпели². Такой же участи подверглись многие другие аварские аулы, а также аулы соседних народностей. Унцукуль и ряд других селений был покорен 3—4 раза³.

Если в 1839 году население Чиркея поддерживало Шамиля, то уже 20 сентября 1842 года 10 женщин из с. Чиркей вместе с мужьями и братьями боролись против мюридов и своей храбростью поощряли других. За это они были награждены командиром Отдельного Кавказского корпуса Нейдгардтом выдачей по 10 аршин парчи и шелковой материи на платья⁴.

Начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майор Коцебу сообщил военному министру, что 29 марта 1839 г. наиб Шамиля «Сурхай попал на сел. Унцукуль, но был мужественно встречен тамошними жителями, ранен в бывшей с ним перестрелке, отступил без всякого успеха»⁵.

Шамиль создал шариатскую казну — «байтул-мал», главным приходным статьями которой являлись: «зякат», — взимаемая с населения десятая часть всех его доходов, «харадж» — подать за использование горных пастбищ, которые принадлежали раньше аварским ханам (с Гумбета и Анди по 1 рублю серебром с одного двора), «хомус», или пятая часть военной добычи, вымороченное имущество, конфискованное имущество казенных и изгнанных лиц, всевозможные вакуфы и многочисленные штрафы⁶.

Шамиль до того, как стал имамом, принадлежал к категории рядового духовенства. Он имел дом, сад и пахотные участки, которые были оценены в 1861 г. в 200 руб.⁷

Однако за время своего имамства он стал состоятельным человеком. «Не знаю определенно, — говорил

¹ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Перевод с арабского. ССКГ, 7, 1873, стр. 26.

² Хроника Мухаммед-Тахир ал Карыхи. М.—Л. 1941, стр. 129.

³ Там же, стр. 135, 137.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6476, л. 1.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6361, ч. I, л. 26.

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6468, лл. 15, 26.

⁷ «Русский архив», 1896 г., № 9, стр. 120—121.

¹ Военный сборник, 1862, февраль, стр. 330.

Хаджи-Мурад, — как велико богатство его (Шамиль — Х.-М. Х.), мне известно только, что деньги его хранятся в двух аулах: Карате и Ведено, в последнем месте я слышал, что он имеет до 150 тысяч золотом и серебром»¹.

Полковник Руновский писал в своем дневнике, что по словам сына Шамиля, Гази-Магомеда, его отец передал на хранение Даниэль-Султану Елисейскому ценности на сумму до одного миллиона рублей серебром»².

Подобное экономическое положение диктовало Шамилю необходимость сделать сына Гази-Магомеда имамом после себя. Вопрос этот обсуждался на собрании наибов и видных богословов в Анди в 1847 г.

У наиба Шамиля Шуанб-муллы, убитого населением за его тиранию, было учтено имущество: 35 крымских ружей, 4 тыс. баранов, 500 голов крупного рогатого скота, 60 буйволы и около 30 тыс. рублей серебром³.

Обогащение наибов за счёт угнетения трудящихся положило начало разрыву между рядовым узденством и господствующим духовенством, успешным феодализироваться.

10 лет неограниченного господства военно-теократической монархии было достаточно для того, чтобы обострились противоречия между рядовым узденством и правящим духовенством. Наибы Шамиля по существу превратились в духовных феодалов, насилия их над населением умножились, они сделались ненавистны народу.

В своей хронике Мухаммед-Тахир ал Карахи посвятил падению имамата специальную главу, которая называется «О начале бедствий и испытаний». В этой главе он пишет, что увеличилось угнетение народа со стороны управителей и наибов, они переставали повиноваться имаму, в войнах терпели поражения. У правителей не было ничего кроме отдаления от народа и гордости. «У имама — кроме опущения узды правления и подтверждения речей (управителей и наибов — Х.-М. Х.). У семьи имама — кроме расширения за пределы дозволенного имамом и припрятывания (богатств), у простого

народа — кроме недовольства правителями и неодобрения этого припрятывания»¹.

Великий революционный демократ Н. А. Добролюбов, горячо сочувствовавший движению горцев, писал: «Популярность Шамиля во впечатлительных умах горцев исчезла уже задолго до его плена, и известие о взятии его не произвело, говорят, особенного потрясения в горах...

Таким образом, Шамиль давно уже не был для горцев представителем свободы и национальности. Оттого-то и находилось так много людей, способных изменить ему, хотя, по понятиям горцев да и по законам Шамиля, измена народу считается важнейшим преступлением и наказывается смертью. Управление Шамиля казалось тяжело для племен, не привыкших к повиновению, а выгод никаких от этого управления они не находили. Напротив, они видели, что жизнь мирных селений, находящихся под покровительством русских, гораздо спокойнее и обильнее. Следовательно, им предоставлялся уже выбор — не между свободой и покорностью, а только — между покорностью Шамилю, без обеспечения своего спокойствия и жизни, и между покорностью русским, с надеждою на мир и удобства быта. Само собой разумеется, что рано или поздно выбор их должен был склониться на последнее»².

«Власть, основанная мюридизмом, — писал Р. А. Фадеев, — понеминому оселась. Поборники ее сделались значительными людьми и заняли место аристократии, вырезанной им в тридцатых годах. Шамиль привык к положению азиатского султана, заставил горские общества признать своего сына наследником по себе, стал думать об основании владетельного дома»³.

Сподвижники Шамиля и его наибы крайне притесняли народ, думали о здешней жизни, старались обогатиться за счёт народа и напрасно проливали кровь мусульман. «Все они (наибы), — писал Гаджи-Али, — вообще начали копить богатство и убивать напрасно мусульман, не различая между дозволенным и запрещенным, между истинной и ложью»⁴.

¹ Записка ротмистра Лорис-Меликова, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурада по поручению кн. Воронцова. Рукописный фонд ИИЯЛ, оп. 2, д. 37, стр. 267.

² Акты, XII, стр. 1483.

³ Акты, IX, № 725, стр. 881.

¹ Хроника Мухаммед-Тахира, стр. 241.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. М. 1937 г., Т. IV, стр. 155.

³ Р. А. Фадеев. Ук. соч., стр. 36.

⁴ Гаджи-Али. Указ. соч., стр. 34.

В 1843 г. чабаны общества Чох, находившиеся на кутане на плоскости, подверглись нападению мюридов и были разоружены, причем мюриды им говорили: «Вы не только заслуживаете обезоружения, но даже не миновате и отнятия у вас баранов за поступки ваши и преданность русскому правительству; причина столь большой приверженности вашей к русским есть богатство, которое вы нажили у русских и которое увеличивает гордость вашу и упорство против шариата»¹.

Хаджи-Мухаммед из Сугратля, имам восстания 1877 г. и сын мюрида Абдурахмана Хаджи; следующие стихами характеризовал этот период:

«Пришло к Шамилю утро постоянного злополучия и лишило его содействия и уважения.

И вот уже затих пред ним восточный ветер побед.

И подул вдруг западный ветер истребления.

...Как будто бы судьба стала разъяренной против него.

И идет вслед за ним с наказанием — мщением.

...А они его управители — оказались управителями порока.

И изменили ему в день разгара битвы.

...Найбы его оказались найбами порока. Подлинно были они бедствиями для народа. Назначил он их над народом как пастухов, они оказались подобно волкам над стадами.

А они умножали несправедливости притеснения. Стеснили просторы земли для народа из-за их несправедливости злонамеренных наказаний. Найбы лишили народ сил для джихада.

Имам называл их верными правителями и поэтому делал вид, что не слышит жалоб тех, кому были причинены обиды.

...Найбы погубили две вещи, отданные Шамилю на хранение; подданных и соблюдение справедливости»².

В одном анонимном письме, составленном на арабском языке, вероятно в 50-х гг. XIX в. говорится, что найбы, муфтий, сотенные начальники и дибирь взыскивают штрафы с бедноты, как подати, заставляют крестьян поочередно работать на найбов и других управителей (косить сено, привозить дрова на своих лошадях

¹ Рукописный фонд Института истории АН СССР. В. раздел XIII, л. 10, л. 10.

² Хроника Мухаммеда Тахира, стр. 260—271.

и ослах), а сами сидят, как ханы. Найбы назначают сотенных по своему усмотрению, чтобы они покрывали их произвол. Невозможно перечислить все насилия, их так много, что не хватит бумаги и времени, чтобы описать их.

Отходило от мюридизма и население, которое беспорядочно эксплуатировалось найбами, являвшимися в целом ряде случаев для своего народа «обнаженными саблями», «взяточниками», «насильниками», «подлыми и своекорыстными людьми»... Население все чаще и чаще восставало против найбов. Классовые противоречия в лагере Шамиля обострились. Силы Шамиля ослабели»³.

Н. А. Добролюбов писал, что «под Шамилем была им (горцам — Х.-М. Х.) уж плохая свобода, найбы это действовали очень произвольно, грабили и наживались, а он говорит, очень часто смотрел на это сквозь пальцы. Уважение к себе поддерживал он более страхом нежели любовью, палач был при нем неотлучно и казни были беспристанны»⁴.

Население, подвластное имамату, испытывало огромную нужду в предметах первой необходимости. Возможность удовлетворения потребности населения в хлебе за счёт Чечни сокращалась с каждым годом. Лишившись зимних пастбищ на Кумыкской плоскости во владениях шамхала Тарковского, в пределах Грузии и Азербайджана, население вынуждено было сократить поголовье скота. Оно все более и более убеждалось, что режим имамата не сулит ни экономической, ни политической выгоды. В результате этого из года в год увеличивалось количество горцев, убогавших на плоскость. Горцы, недовольные Шамилем, массами переходили на сторону русских. За период с 1846 по 1856 годы с гор в один лишь Кумыкский округ переселилось 435 человек⁵. Многие бежавшие горцы, записавшись в полки и отряды милиции, принимали участие в войне против Шамиля.

¹ Рукописный фонд ИИЯЛ. Акт 31. VIII. 1956 г., оп. 2, док. 9.

² К биографии Шамиля. «Красный архив», 1941, № 2, (105).

³ Н. А. Добролюбов. О значении наших последних подвигов на Кавказе. Полн. собр. соч. Т. IV. М. 1937 г., стр. 155.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. I, д. 10, л. 34.

Начальник Дагестанской области в своем отчете за 1863 год писал: «Выбегавшие к нам горцы большею частью выходили вследствие преследований Шамиля или его приближенных, и, будучи принимаемы нами, старались отблагодарить нас своею боевою службою»¹.

Деспотизм наибов, самоуправство муртазекатов, допросы и тайная слежка мухтасибов, экономическое истощение страны и большая убыль населения привели к тому, что недовольство и возмущение с каждым годом возрастали даже среди той части населения, которая в начале движения мюридизма принимала в нем активное участие.

В 1849 году газета «Кавказ» писала: «Приятно нам вместе с тем отдать справедливость мирным племенам Дагестана, на которых Шамиль в сем году направлял действия своих наибов и которые постоянно, или с подкреплением наших резервов или без оных, храбро защищались и отражали неприятельские покушения»².

Население проявляло свое возмущение в ряде волнений и восстаний³. Далеко не вся Авария была покорна Шамилю даже в самые лучшие для него годы. В рапорте от 22 марта 1849 г. ген. Клюки фон Клугенау писал ген. Нейдгардту, что «отложившиеся деревни Салатавского, Андалальского обществ, Андия, Гумбет, Гидатль и Карах готовы принять русских»: Ущукульский старшина сообщил капитану Неверовскому, что многие мюриды готовы бежать с гор в покорные русским деревни⁴.

Многие аулы Аварии «покорны ему (Шамилю — Х.-М. Х.) только из одного страха. Они давно готовы покориться русским. Ждут удобного случая когда мы вступим в их земли, чтобы явно восстать против имама», — писал капитан Прушановский⁵.

Горцы были измучены постоянной войной, в которой погибло бесполезно и бесследно столько людей, а главное — они были утомлены деспотизмом наибов, губивших немало людей из-за корыстных целей. Нельзя было

найти семью в горах Аварии, которая не послала бы траур по убитым на поле брани или от рук наибских палачей.

Правда, этот период показал также, на какие героические подвиги были готовы горцы, защищая свою свободу и независимость. Гасан Омаров из сел. Нита, Кахибского района, рассказал нам следующее:

«Наиб Шамиля Магомед, находившийся в сел. Н. Батлук, дал указание мюридам арестовать моего дедушку Омара и доставить его к нему. Омар, зная, что ему грозит верная смерть, вступил в борьбу с сопровождавшими его мюридами, отобрал у них оружие и, не возвращаясь домой, убежал к русским войскам. За это его жене хотели выдать замуж за другого, но для этого парият требует, чтобы было ее ясно выраженное согласие. Она наотрез отказалась дать согласие, заявив, что имеет мужа и за другого ни за что не выйдет. Палачи публично подвергли ее пыткам, чтобы насильно вырвать ее согласие, ей завязали руки и ноги и положили лицом вверх, на грудь поставили бронзовый таз и развели в нем костер. Одежда начала гореть, но она на вопросы палачей отвечала отказом. Убедившись, что она согласия не даст, палачи решили убрать таз. К тазу прилипло створевшее мясо с груди. И это оказалось недостаточным. Её повели к высокой скале и толкнули в обрыв. Внизу лежали свежие трупы жертв палачей, она упала на них, не умерла, но искалеченная и изуродованная лежала 6 месяцев в постели».

Подобные и более суровые пытки применялись, как правило, палачами наибов.

В сел. Андыхе нам рассказали, что наиб Шамиля прислал туда мюридов для сбора ополчения. Один из жителей сел. Андых, не имея даже толокна, чтобы взять с собой, ночью пошел на мельницу и намолотил около сахара толокна (сах — 6 фунтов), а рано утром ему пришлось чинить чарыки, в связи с чем он опоздал на сбор. Только за одно это он был выстрелом в упор убит мюридом наба.

Многие наобы преднамеренно обвиняли своих жертв в незнании имама и ислама. Наиб Шамиля Магомед из Н. Батлука увидел гостя из Асаба, его вороной копь очень понравился наобу. Сейчас же он послал своих мюридов с палачем убить гостя и забрать коня. Брат

¹ Краткий отчет начальника Дагестанской области за период со времени образования Дагестанской области до 1 ноября 1863 г. Темир-Хан-Шура. Стр. 14.

² «Кавказ», 1849, № 50.

³ А. Юров. Указ. Соч., стр. 47.

⁴ Рук. фонд ИИЯЛ, оп. 2, д. 37, стр. 182.

⁵ «Кавказский сборник», т. 23, 1902, стр. 66.

наибя, увидев эту картину, спросил: за что вы его убиваете. Ему ответили, что он не знает имана и ислама. Тогда хозяин коия сказал, я то хорошо знаю иман и ислам, но мой вороной не знает.

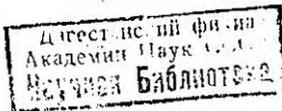
Наибы Арбули из Хунзаха, Муса из Балаханы и многие другие казнили людей, чтобы завладеть их имуществом и нажиться за счёт своих жертв. Не случайно поэтому все без исключения авторы, писавшие о мюридизме, указывают на алчность и деспотизм наибов.

Как нй тяжела была колониальная политика царизма, горцам лучше жилось на присоединенной к России территории, чем на территории имамата Шамиля. Ф. Энгельс писал К. Марксу: «Чем больше я размышляю об истории, тем яснее мне становится, что ...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...»¹.

Трудящиеся массы горцев, убедившись на собственном опыте в антинародной направленности идеологии мюридизма и деспотизме теократического режима имамата, способствовали падению мюридизма. В 1859 году Шамиль сдался в плен.

Таким образом, если в первые два периода, т. е. с 1828 по 1850 г. в движении мюридизма преобладали элементы прогрессивно-освободительного характера и само движение носило прогрессивный освободительный характер, то к концу 50-х годов, когда основная масса узденства отшатнулась от движения мюридизма, когда наибы и другие правители переродились в духовных феодалов и усилили угнетение народа, когда место национального освободительного порыва народа стали занимать произвол и репрессии наибов, движение потеряло свой национально-освободительный и прогрессивный характер. Это коренное изменение, происшедшее в самом движении, и явилось основной внутренней причиной падения имамата.

* * *

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 210—211.

